

ГОЛОСА СЛЕПОЙ ЗАВОДИ

Артём Радин

Голоса Слепой заводи

«Автор»

2026

Радин А.

Голоса Слепой заводи / А. Радин — «Автор», 2026

Вера Орлова получает последнюю посылку от сестры Нины: старую магнитофонную ленту, красную нитку и записку без подписи. В тот же вечер Нину объявляют пропавшей у Слепой заводи — места, о котором в Ольховске предпочитают говорить только намёками. Вера приезжает в северный город, где вода пахнет ржавчиной, телефоны теряют сеть в самых нужных местах, а люди отвечают так осторожно, будто каждое слово уже записано против них. Чем глубже она разбирает шумы на плёнке, тем яснее становится: за легендой о голосах из заводи скрывается не призрак, а чужая тщательно сохранённая вина. Но некоторые записи звучат невозможным образом. Они знают то, чего не могли знать живые. И если Вера хочет найти сестру, ей придётся понять, кто на самом деле говорит с ней из темноты — мёртвые, живые или те, кто много лет притворялся и теми, и другими.

© Радин А., 2026

© Автор, 2026

Артём Радин

Голоса Слепой заводи

Глава 1

Посылку принесли без звонка в дверь. Курьер оставил ее у коврика и ушел так быстро, что Вера увидела только мокрый след подошвы на площадке. Внутри лежали кассета без наклейки, красная нитка, свернутая в тугой узел, и листок с Нининым почерком: «Слушай до конца. Не отвечай, если услышишь себя». Она перечитала фразу трижды и только потом заметила, что бумага пахнет речной водой, хотя конверт был сухим.

Нина любила формулировки, после которых хотелось позвонить и потребовать нормального объяснения. Обычно Вера так и делала. В этот раз телефон сестры был выключен. Мессенджер показывал последнее появление два дня назад, фотография профиля оставалась прежней: Нина в красной шапке, щурится на ветру, за плечом серое море. Вера написала сначала короткое «Ты где?», потом стерла и набрала «Это уже не смешно». Сообщение ушло, но отметка о доставке не появилась.

Кассета была старой, советской, прозрачной, со следами белой краски на одном углу. Вера держала дома небольшой магнитофон не из сентиментальности. Она монтировала звук для документальных фильмов и привыкла к режиссерам, которые внезапно приносили запись из девяностых, найденную в гараже у героя. Магнитофон стоял на нижней полке рядом с кабелями и переходниками. Вера достала его, проверила головку, перемотала пленку карандашом на пару оборотов и только тогда нажала «пуск».

Сначала был шум. Не тот ровный шорох, который дает старая лента, а пространство: слабый плеск, дребезг металла, далекий удар. Через несколько секунд Нина сказала:

— Вер, если ты это слушаешь, значит, я не успела забрать посылку обратно.

Вера машинально потянулась к кнопке паузы и остановила руку. «Слушай до конца» было не просьбой. Нина знала ее привычки.

— Не звони папе сразу. И не верь, если тебе скажут, что я полезла на заводь одна. Я туда не ходила одна. На третьей минуте будет голос. Ты его узнаешь. Не отвечай ему вслух. Просто запомни, что он скажет.

Дальше Нина кашлянула, будто собиралась продолжить, но запись оборвалась коротким скрежетом. Пленка пошла пустой. Вера посмотрела на счетчик. До третьей минуты оставалось почти две.

Она сварила кофе, который не стала пить, и села на пол возле магнитофона. За окном Петербург выглядел обыденно: мокрый двор, желтые окна, машина доставки, мужчина с собакой в слишком большом дождевике. Вера слушала пустоту и чувствовала себя глупо. Нина умела превращать простой разговор в квест еще в детстве. Однажды спрятала ключи от дачи и оставила карту из семи подсказок, потому что «так интереснее». Мать тогда сказала: «Не путай интерес с властью над другими». Нина обиделась на неделю.

На отметке 2:46 в ленте появилось низкое гудение. Вера сразу узнала промышленную частоту: не точную, слухом частоту не определишь, но характер вибрации был знаком. Где-то работал насос или большой электродвигатель. Затем раздался щелчок, и близко к микрофону кто-то вдохнул.

— Вера, — сказал ее собственный голос.

Не взрослый. Детский.

Вера не отшатнулась и не уронила чашку; тело выбрало более неприятную реакцию. Она перестала дышать, пока голос продолжал:

— Не открывай дверь, если вода уже внутри.

Три секунды тишины. Потом тот же ребенок, явно она сама лет в девять, рассмеялся и сказал что-то неразборчивое. Запись закончилась хлопком.

Вера перемотала участок и прослушала снова, теперь в наушниках. Тембр был ее. Простуда в носу, короткая манера проглатывать «р», даже смешок после фразы — все совпадало. Такие записи могли существовать. Мать когда-то записывала их с Ниной на кассеты: стихи, семейные праздники, дурацкие радиоспектакли. Невозможным было другое. Фразу про воду Вера не помнила.

Она позвонила отцу только через час. Павел Орлов снял после шестого гудка.

— Что случилось?

Не «привет». С годами он стал начинать разговор с диагноза.

— Где Нина?

Пауза вышла слишком длинной.

— Я думал, она тебе сказала.

— Что именно?

— Что приехала сюда.

Вера закрыла глаза. Под «сюда» отец всегда подразумевал Ольховск, даже когда последние пятнадцать лет жил то в области, то в городе, то снова возвращался в старую квартиру. Ольховск был не адресом, а состоянием, из которого он так и не выбрался.

— Когда ты видел ее последний раз?

— В понедельник.

— Сегодня четверг.

— Я умею считать.

— Телефон выключен. Мне пришла от нее кассета.

На другом конце что-то звякнуло. Павел, вероятно, поставил стакан на стол. Вера знала этот звук с детства.

— Какая кассета?

— Пап.

— Я спрашиваю, какая.

Теперь она услышала то, ради чего и позвонила: не удивление, а страх, быстро спрятанный под раздражением.

— Без наклейки. Прозрачная. На углу белая краска.

Павел выругался тихо, почти устало.

— Не приезжай.

— Отличный совет. Нина пропала, а ты начинаешь с него.

— Она не пропала.

— Тогда дай ей трубку.

Павел молчал.

Вера встала и подошла к окну. Во дворе мужчина с собакой исчез, курьерская машина уехала. Мокрый след у двери давно высох. Красная нитка лежала на столе поверх Нининой записки. Узел был тот самый, которым они в детстве помечали безопасную дорогу в заброшенном корпусе санатория: два оборота, короткий хвост внутрь петли. Нина помнила. Вера тоже.

— Я буду утром, — сказала она.

— Вера, не надо.

— Тогда расскажи сейчас.

— По телефону не буду.

— Почему?

Ответ пришел не сразу.

— Потому что я уже один раз думал, что провода ничего не помнят.

Он отключился.

Вера осталась с телефоном в руке. Фраза была бессмысленной, но в ней имелось одно полезное качество: она звучала не как очередное отцовское уклонение, а как признание, сорвавшееся раньше времени.

До поезда оставалось четыре часа. Вера загрузила кассету в цифру, сделала две копии и отправила одну себе на облако, вторую — коллеге с просьбой не открывать, если она не напишет через три дня. Затем сфотографировала посылку, записку, узел, наклеила на пакет дату и время. Работа со звуком научила ее простой вещи: память человека легко убеждает себя в том, что было удобнее. Файл спорит дольше.

Перед выходом она еще раз включила последние двадцать секунд. Детский голос произнес: «Не открывай дверь, если вода уже внутри».

На этот раз Вера расслышала под словами второй звук. Очень слабый, почти совпадающий с шипением пленки. Кто-то рядом с микрофоном считал.

Три.

Шестнадцать.

Семнадцать.

Она записала числа в блокнот и уехала на вокзал.

Глава 2

На автостанции висело расписание, которому никто не верил. Пожилая кассирша сказала, что автобус до центра уже ушел, потом посмотрела на Верин чемодан и добавила, что в Ольховске все равно лучше ходить пешком: так меньше спрашивают. Это было первое местное правило, произнесенное вслух. Остальные Вере предстояло выучить по чужим ошибкам.

От станции до гостиницы было меньше двух километров. Город за пятнадцать лет почти не изменился, зато научился выглядеть беднее без очевидной причины. Кафе, где мать покупала им пирожные после школы, стало аптекой. Магазин тканей стоял пустой, в витрине выцвела надпись «АРЕНДА». На перекрестке поставили новый светофор, хотя машин было столько же, сколько Вера помнила: три «Лады», автобус и грузовик с лесом. За крышами время от времени показывалась водонапорная башня, а ниже, в просветах между домами, лежал туман над заводью.

Гостиница занимала второй этаж над аптекой. Администраторша лет сорока пяти протянула Вере ключ и попросила паспорт, не задавая вопросов, пока не увидела фамилию.

— Орлова?

— Да.

— Павлу Сергеевичу родственница?

Вера кивнула.

Женщина вернула паспорт уже осторожнее.

— Ваша сестра тоже у нас жила.

— Когда съехала?

— Она не съехала. Просто не вернулась ночевать.

— Вещи?

— Полиция забрала часть. Остальное в номере опечатали, потом разрешили открыть.

Ваш отец попросил ничего не трогать.

— Полиция считает ее пропавшей?

Администраторша посмотрела на лестницу, словно оттуда могли услышать.

— Заявление есть. Они говорят, взрослый человек имеет право уйти.

— А вы что говорите?

— Я номера убираю.

Она сказала это с такой окончательностью, что дальнейшие вопросы стали бы насилием. Вера взяла ключ. Перед тем как подняться, спросила:

— Кто нашел сумку Нины?

Женщина замерла на секунду.

— Какую сумку?

— Значит, нашли.

Администраторша поджала губы. Ольховск приветствовал ее не ложью, а знакомой новизной правды: люди знали лишнее и считали, что молчание освобождает их от участия.

В номере пахло чужим шампунем и батареей. Кровать была застелена, на столе лежали два рекламных буклета и пустая чашка с кофейным ободком. Шкаф оказался пустым. Вера осмотрела подоконник и заметила тонкую красную ворсинку, зацепившуюся за щель в раме. Нина пользовалась шерстяной нитью из старого материнского клубка. Вера вытащила ворсинку пинцетом из дорожной косметички и положила в пакет.

Полиция помещалась в бывшем здании почты. Дежурный узнал ее фамилию раньше, чем она представилась. Участковый Костров, молодой человек с усталым лицом человека гораздо старше, принял ее в комнате, где три шкафа не помещались вдоль стены и стояли под разными углами.

— Ваше заявление добавим к отцовскому, — сказал он. — По факту поиски идут.

— Где нашли сумку?

Костров потер переносицу.

— У воды. На старом пирсе.

— Что было внутри?

— Телефон, кошелек, блокнот. Документы.

— Если человек решил исчезнуть добровольно, он оставляет паспорт и деньги на пирсе?

— Иногда оставляет.

— А пальто?

— Пальто не нашли.

— Значит, в воду она не прыгала в пальто, но сумку аккуратно поставила?

— Вера Павловна, я понимаю ваше состояние.

— Нет, — сказала она. — Вы понимаете форму заявления. Состояние у меня пока нормальное.

Костров прижал ладонью папку.

— Мы проверили камеры. Ваша сестра вечером вышла из гостиницы одна. Дошла до площади. Дальше камер нет. Свидетель видел похожую женщину у заводи около одиннадцати.

— Имя свидетеля?

— Не могу сообщить.

— Кто нашел сумку?

— Рыбак.

— Имя?

— Тоже.

Вера кивнула. В городе, где все знали друг друга, полиция внезапно открыла для себя защиту персональных данных.

На выходе ее догнал мужчина в те

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.